

земельные отношения (стр. 214—233). В такой подаче информации есть, конечно, и свои минусы, но они компенсируются необходимыми подробностями в описании того или иного явления в жизни народа, без чего подчас невозможно правильно понять сложный механизм этнического своеобразия.

У таких близких между собой народов, как тай, нунг и тхай, основные различия проявляются, как это показано авторами, прежде всего в языке. Могут возникнуть сомнения, следует ли, как то делает Ла Ван Ло, вводить понятие «языковая группа тай-тхай» (при этом тай и нунги отнесены автором к «восточной группе тай-тхай»). В рецензируемой книге отмечено, что тай и нунги «вообще говоря, имеют единый язык». Главные различия, как считает автор, это локальные (фонетические и лексикологические). Тай произносят иероглифические корнеслоги как вьеты, а нунги — как ханьцы провинции Гуанси. Нунги более тесно, чем тай, связаны с чжуанами. Нам представляется, что нунги — это отпочковавшаяся некогда от чжуан группа, которая на территории Вьетнама сильно сблизилась с тай.

Высказанная в рецензируемой книге концепция о происхождении тай, нунг и тхай опирается на китайские хроники, труды современных китайских исследователей; точка зрения авторов складывается под влиянием Дао-зуй-Аня, Л. Оруссо, А. Масперо. Суть этой концепции заключается в том, что указанные народы входили в состав племен «бать-вьет» (по-китайски «бо-юэ»), населявших до нашей эры южные области современного Китая. Это положение бесспорно. Однако утверждение, что древние сиоу и доюз (по-вьетнамски — тэйау и лаквьет) являются и предками современных вьетнамцев, и предками чжуан, тай, нунг, с нашей точки зрения, нуждается в более солидной аргументации. Сами авторы говорят, что вопрос о появлении тай на северо-востоке Вьетнама недостаточно ясен, хотя они и уверены в том, что тай пришли сюда раньше нунгов, одновременно с вьетами. Следует отметить важность проблем этногенеза тай, нунг, тхай. По-видимому, решить эту проблему помогут специальные исследования.

В последней главе показан переход рассматриваемых народов от раннего феодализма, минуя капиталистический путь развития, к социализму, национальная политика Партии трудящихся Вьетнама, конкретные достижения тай, нунг и тхай в строительстве новой жизни. Авторы приносят данные, что в Автономном районе Вьетбак (северо-восточный Вьетнам, где проживают тай и нунги) в органах народной власти представители национальных меньшинств составляют 72%, а в Автономном районе Тэйбак, на северо-западе страны, национальные кадры в органах самоуправления составляют более половины. За короткое время из 1 200 000 тай, нунг и тхай более 20 тысяч стали государственными и партийными работниками, а свыше 6 тысяч — научно-техническими специалистами (стр. 318).

Текст книги дополняется иллюстрациями жилищ, фотографиями людей, планами домов, водопольных устройств, чертежами одежды.

Работа Ла Ван Ло и Данг Нгхием Вана является, несомненно, еще одним шагом вперед в изучении тайских народов.

А. И. Мухлинов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Р. В. Кинжалов. Культура древних майя. Л., 1971, 364 стр. с илл.

«Задача настоящей работы, — пишет в предисловии автор рецензируемой монографии, — дать (впервые на русском языке) общую характеристику древней культуры народов майя за все ее более чем двухтысячелетнее развитие...»

И нужно сказать, что задача эта выполнена Р. В. Кинжаловым довольно успешно. Его монография, безусловно, самая полная на сегодняшний день характеристика культуры древних майя из появившихся когда-либо в советской историографии работ подобного рода. Она многопланова и разнообразна по охвату и содержит почти исчерпывающую библиографию. Монография состоит из краткого предисловия, введения, семи основных глав и заключения. Общий ее объем составляет более 23 печатных листов, включая многочисленный иллюстративный материал.

В предисловии четко определены цели и задачи работы, показано общее место культуры майя среди других высоких культур доколумбовой Мезоамерики, намечены специфические трудности и проблемы, связанные с ее изучением. Парадоксальность ситуации состоит в том, что цивилизация майя, о которой написано бесчисленное множество специальных статей и книг, до сих пор во многом остается для нас загадкой и изучена гораздо хуже ряда других древних культур Нового Света. Достаточно сказать, что и сейчас ученые не могут ответить на такие важнейшие вопросы, как происхождение цивилизации майя, ее экономическая база, характер общества майя в I тысячелетии,

причины гибели классических городов-государств в IX—X вв. и т. д. В настоящее время раскопки археологических памятников майя ведутся широким фронтом. Идет массовое накопление нового материала, новых фактов. Тем более необходимо создание сводных и обобщающих работ, освещающих основные проблемы одной из наиболее выдающихся индейских цивилизаций Нового Света. Между тем таких обобщающих работ в зарубежной историографии сейчас нет. Прежние сводные труды таких ученых, как С. Г. Морли (1946) или Э. Томпсон (1955), уже устарели. В этой связи сам факт появления монографии Р. В. Кинжалова представляется значительным вкладом в американистику.

Во введении дается характеристика языковых групп майя, их расселения по современным этнографическим данным, описание природного фона, на котором развивалась древняя культура майя и периодизация этой культуры.

Мне уже приходилось высказывать ряд замечаний по поводу точности тех хронологических схем, которыми оперирует Р. В. Кинжалов¹. Не во всем согласен я с автором и на этот раз. Так (если это, конечно, не опечатка), он относит Доклассический период к 2000—300 гг. до н. э. (стр. 13), а Классический период начинается с 300 г. н. э. Спрашивается — куда же девался весьма продолжительный отрезок времени с 300 г. до н. э. по 300 г.? Нельзя согласиться и с тем, что Р. В. Кинжалов, вслед за многими зарубежными авторами, считает (по чисто формальным причинам) началом классического периода 300 г. Сейчас уже имеется вполне достаточно надежных археологических данных, свидетельствующих о том, что начало цивилизации у майя можно отнести к I в. до н. э.—рубежу нашей эры².

Глава I («Источники и история изучения») — наиболее важная и содержательная часть монографии. Значимость ее определяется прежде всего тем, что она служит надежным компасом при плавании по безбрежному морю всевозможных публикаций, посвященных древним майя. Источников тоже много и они далеко не равнозначны по своей ценности и часто труднодоступны. В этом обилии информации трудно ориентироваться не только неподготовленному читателю, но и специалисту. Автор дает исчерпывающий и скрупулезный анализ всех основных видов источников по древним майя: археологических, письменных (XVI—XVII вв.), этнографических и лингвистических. История изучения и описание археологических памятников, условно разбитых на четыре культурно-географических группы, даны автором на редкость тщательно и полно. Здесь трудно найти какое-либо упущение. Следует лишь отметить, что, на мой взгляд, сейчас уже пришла пора выделить в пределах майяской культуры не чисто условные области или группы городов, а подлинные политико-административные и культурные единицы. О том, какие замечательные плоды приносят исследования подобного рода, наглядно свидетельствуют последние работы Р. Рэндса в Паленке или У. Хэвилленда в Тикале³.

Не менее тщательно и четко описаны Р. В. Кинжаловым и письменные источники. Не останавливаясь подробно на анализе наиболее известных документов и хроник XVI—XVII вв., я бы хотел лишь отметить громадный личный вклад автора рецензируемой монографии в изучение племен майя-киче из Горной Гватемалы. Эта область территории майя, метко названная автором «золушкой археологии майя», к сожалению, очень редко привлекала к себе внимание исследователей. Источники (письменные и археологические) здесь беднее, а главное, разработкой их занимались прежде до обидного мало. Р. В. Кинжалов впервые открыл для нашего читателя сокровища майяского эпоса «Пополь Вух», переведя его на русский язык и снабдив обширными и квалифицированными комментариями⁴. Забегая вперед, можно сказать, что в главе VI («Литература, танцы и музыка») автор чуть ли не впервые в истории американистики производит скрупулезный разбор литературных достоинств этого эпоса, его формы и содержания, дает общую его оценку, сопоставляет с другими эпическими произведениями древнего мира, высказывает оригинальное суждение по поводу происхождения «Пополь Вуха». Разделы 7 и 8 первой главы, включающие анализ таких известных документов, как «Летопись какчикелей», «История киче», «Родословная владык Тотоникапана», драма «Рабиналь-ачи» и т. д. — также совершенно оригинальное явление в источниковедении по древним майя. Все это, несомненно, весьма весомый вклад в отечественную и зарубежную науку.

Глава II («Хозяйство и материальная культура») на обширном материале из археологических раскопок и историко-этнографических документов рисует культуру, хозяйство и быт майяских племен на всем протяжении их истории. В целом выводы автора по этому важному разделу работы не вызывают особых возражений, однако по ряду существенных вопросов у меня имеются некоторые замечания. Так, на стр. 74 автор пишет: «В Старом Свете освоение металла как материала для изготовления орудий труда породило коренные изменения в уровне развития производительных сил, повлекло за собой возникновение классового общества».

¹ См. рецензию В. И. Гуляева на кн.: Р. В. Кинжалов, Искусство древних майя, Л., 1968, «Сов. этнография», 1970, № 1, стр. 195—196.

² См. В. И. Гуляев, Некоторые вопросы становления раннеклассового общества у древних майя, «Сов. этнография», 1969, № 4, стр. 98.

³ R. L. Rands, Cerámica de la region de Palenque, «Estudios de Cultura Maya», vol. VI, p. 111—147, Mexico, 1967; W. A. Haviland, Prehistoric settlement at Tikal, «Expedition», vol. 7, № 3, 1965, p. 14—23.

⁴ «Пополь Вух», М.—Л., 1959 (В серии «Памятники мировой литературы»).

Этот вывод, безусловно, верен в отношении развитых стадий (разрядка мая.—В. Г.) классового общества на Древнем Востоке и для эпохи появления железных орудий в Евразии. Что же касается зарождения первых классовых обществ, то весь парадокс в том и состоит, что они возникли на неолитической базе, т. е. их создатели (главным образом земледельцы-общинники) пользовались исключительно каменными, костяными и деревянными орудиями. Металл же (медь и бронза) широко применялся лишь в области культа и в военном деле. Это убедительно показал Гордон Чайлд для древнейших государств Египта и Шумера. Об этом же красноречиво говорит и пример самой Мезоамерики. Ссылка на прогресс в развитии металлических или каменных орудий является, на мой взгляд, явным упрощением неизмеримо более сложного в своей сути исторического процесса. Секрет появления раннеклассовых государств в Старом и Новом Свете кроется, безусловно, в специфике земледельческого хозяйства, способного давать при определенных условиях большой прибавочный продукт. Причем речь идет не только о так называемых интенсивных формах земледелия (ирригация, террасы и т. д.), но и о высокопродуктивной системе подсечно-огневого земледелия (система «мильпа»), господствовавшей на большей части территории тропических джунглей.

Я никак не могу согласиться и с тезисом Р. В. Кинжалова об изобретении ольмеками интенсивных форм земледелия в Мезоамерике и тем самым об их приоритете в создании первой высокой культуры доколумбовой Америки (стр. 78). Это, по меньшей мере, крайне спорный вопрос, тем более, что об ольмекском земледелии нет никаких археологических данных.

Значительный интерес представляет для читателя третья глава монографии, посвященная общественному строю майя. Автор, правда, ограничил себя анализом майяских социально-политических институтов X—XVI вв., но это вполне оправдано общим состоянием источников на данный момент. Можно согласиться и с тем делением общества майя на три основные социальные группы, которое дает Р. В. Кинжалов: знать, общинники и рабы. Хотя сам автор признает, что «...рабов было значительно меньше, и основу майяского общества составляли рядовые земледельцы, объединенные в общины» (стр. 111). Для характеристики социальных групп очень удачно использованы помимо традиционных источников данные испано-индейских (майяских) словарей.

Вместе с тем автор так и не дал общего определения древнемайяской государственности, не сопоставил ее с хорошо изученными социальными структурами Древнего Востока. Остается неясным, к какой же социально-экономической формации относятся рода-государства майя.

Правда, из некоторых фаз и положений монографии можно косвенно сделать вывод о том, что автор склонен относить майя к рабовладельческой формации. На стр. 128—129 он пишет: «Судя по имеющимся данным, рабство у майя получило значительно большее развитие, чем у других народов Мезоамерики». Мне этот тезис кажется несколько преждевременным. Для его доказательства следовало бы привести имеющиеся в письменных источниках сравнительные данные по другим народам Мексики (ацтеки, миштеки и т. д.).

Далее, на стр. 223, указывается, что «...искусство майя являлось идеологическим оружием в руках растущего рабовладельческого класса (разрядка мая.—В. Г.)». Вопрос этот, безусловно, очень сложный и в ближайшее время трудно ждать его окончательного решения. Но тем не менее, на мой взгляд, раннеклассовые общества Мезоамерики (ацтеки, майя, тольтеки и т. д.) по основным своим признакам целиком подходят под определение так называемых обществ с «азиатским способом производства».

Я не буду касаться проблем, затронутых автором в главе V («Архитектура и изобразительное искусство»). Р. В. Кинжалов — признанный специалист в данной области и неоднократно излагал уже свои основные положения на этот счет в специальной и научно-популярной литературе⁵.

Следует лишь подчеркнуть, что в монографии содержится тщательная и оригинальная разработка проблем майяского искусства, удачно показана его классовая направленность в городах-государствах классического и постклассического времени.

В шестой главе с необычайной полнотой дается характеристика литературы, танцев и музыки у древних майя. Эта глава не только оригинальна по содержанию, но и освещает совершенно не охваченные до сих пор аспекты духовной культуры майя. Анализ танца коломче (школомче), например, — великолепный образец большой эрудиции автора, наглядный показатель его умения свободно оперировать самыми разнообразными источниками: археологическими, этнографическими и историческими.

Наконец, в последней, седьмой главе речь идет о религиозных представлениях майя. Предмет этот необычайно труден и сложен для любого исследователя. Наши сведения о пантеоне древних майя крайне отрывочны и противоречивы. Они складываются прежде всего из данных индейских и испанских хроник XVI—XVII вв. и позднейших наблюдений этнографов.

Очень важным источником по религии майя служат и три уцелевшие иероглифиче-

⁵ Самая последняя и полная работа Р. В. Кинжалова в этой области — «Искусство древних майя», Л., 1968.

ские рукописи — Дрезденская (XII в.), Мадридская (XV в.) и Парижская (до XV в.). Они содержат помимо текста многочисленные цветные рисунки, изображающие богов. Для более раннего, классического периода (I тысячелетие н. э.), мы располагаем только археологическими источниками — многочисленные изображения религиозного характера на каменных скульптурах, фресках, терракоте и расписной керамике. Однако отождествлять богов классического периода с божествами пантеона майя XVI в. следует с предельной осторожностью.

В целом Р. В. Кинжалов вполне справился с поставленной задачей и довольно убедительно осветил признаки и функции основных богов из пантеона майя XVI в.

Новым и оригинальным моментом в этой главе является и постановка вопроса об экономической базе майяского жречества. «Хотя в источниках майя, — пишет Р. В. Кинжалов, — об этом прямых указаний нет, можно думать, что, как и в других областях Месоамерики, им (формально храмам и божествам) принадлежали урожай с отдельных видов земель...» (стр. 292). В дополнение к этому можно сослаться на хронику испанского автора Санчеса де Агиляра (1639 г.), где прямо говорится, что жрецы и храмы имели собственные плодородные земли, которые обрабатывались общиной в целом. Урожай с этих полей помещался в специальные хранилища при храмах и был предназначен для содержания жрецов⁶.

Монография Р. В. Кинжалова «Культура древних майя» — это крупный вклад в американистику, важная веха на пути изучения древних цивилизаций Нового Света.

⁶ Sanchez de Aguilas Pedro, Informe contra idolorum cultores del obispado de Yucatan, año de 1639 (в изд. Ruiz de Alarcon, y otroz «Fratado de las idolatrias...», Mexico, 1953, p. 244).

В. И. Гуляев

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Д. Д. Тумаркин. Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820—1865 гг. М., 1971, 443 стр., илл.

Судьба населения Гавайских островов не впервые привлекает внимание советских исследователей. Помимо ряда статей на эту тему написаны монографии Г. П. Куропятника¹ и автора рецензируемой книги². Концентрированная этнографическая характеристика населения Гавайского архипелага дана в томе «Народы Австралии и Океании»³. В настоящей монографии исследован решающий — и роковой — для коренных жителей Гавайев период, когда был нанесен сильнейший удар по их культуре, в общественном строе произошли коренные изменения, катастрофически ускорились вымирание гавайцев, а фактическими хозяевами архипелага стали американские капиталисты.

Исследование Д. Д. Тумаркина основано на солидной источниковедческой базе. Автор широко использовал материалы шести советских архивов, преимущественно Архива внешней политики России, а также микрофильмы, полученные из Главного Государственного архива Великобритании. Анализируются обширные документальные публикации, главным образом материалы конгресса США и другие официальные издания, а также пресса того времени — русские журналы, американские газеты и т. д. Очень богатый источник автор нашел в записках, дневниках, воспоминаниях современников описываемых событий. Здесь и сочинения гавайцев, и книги самых разнообразных американских авторов (в том числе Германа Мелвилля и Марка Твена), а также англичан, французов и др., но обильнее всего использованы записки русских путешественников — от морских офицеров до революционеров-изгнанников. Этот последний вид источников еще мало используется нашими исследователями, а между тем он сулит им интересные и богатые находки. Введение автором книги в научный оборот многих материалов такого рода заслуживает всяческого одобрения.

Первая глава книги носит, в известной мере, вводный характер. В ней освещена социальная организация гавайцев до начала колонизации. Находившиеся, по-видимому,

¹ Г. П. Куропятник, *Захват Гавайских островов США*, М., 1958.

² Д. Д. Тумаркин, *Вторжение колонизаторов в край вечной весны. Гавайский народ в борьбе против чужеземных захватчиков в конце XVIII—начале XIX вв.*, М., 1964.

³ *Народы Австралии и Океании*, («Народы Мира. Этнографические очерки»), М., 1956, гл. 30.